

Митрополит Тамбовский и Рассказовский ФЕОДОСИЙ,
ректор Тамбовской духовной семинарии,
кандидат богословия

**Обучение, система воспитания,
бытовые условия и повседневная жизнь
в Тамбовской духовной семинарии
в 1820–1850 годы**

Устав духовно-учебных заведений, введенный в 1814 году, создал стройную, упорядоченную систему духовного образования в России и четко регламентировал все стороны жизни и деятельности духовных училищ и семинарий. Он устанавливал новые принципы управления начальными и средними духовными учебными заведениями, содержал рекомендации по учебно-воспитательному процессу, давал наставления относительно повседневной жизни и быта воспитанников. Жизнь Тамбовской духовной семинарии в основном соответствовала заложенным в уставе принципам.

Обучение в семинарии было бесплатным. Учебный год начинался 1 сентября и продолжался до 15 июля, когда все воспитанники отпускались домой на каникулы, или вакации¹. Помимо продолжительных летних вакаций существовали еще Рождественские – с 24 декабря по 7 января, и Пасхальные – от Вербного воскресенья до окончания Светлой седмицы.

Занятия в семинарии продолжались в течение недели, с понедельника по субботу. В воскресенье и праздники учебы не было. Свободными от занятий являлись и так называемые рекреационные² дни. Они определялись ректором семинарии в один из будних майских дней. Вот что вспоминал о традиции проведения рекреационных дней Н. Евгенов, учившийся в Тамбовской семинарии в 1830–1840 годы: «Перед рекреационными днями два лучших ученика шли к ректору, который жил на подворье Козловского монастыря и пели: «*Reverendissime pater, nostrarum musarum*

¹ От латинского *vokaci* – праздная пора.

² От латинского *recrea* – отдых от учения.

Rector Crissime robamus recreationem» до тех пор, пока ректор не выходил и не давал согласие»³.

Каникулярное время было одним из самых радостных в жизни семинаристов. Многие из них спустя годы, будучи вполне состоявшимися людьми, с особой теплотой вспоминали об этом времени жизни в семинарии. И.И. Дубасов, учившийся в 1850–1860 годах, писал: «Мы делались счастливыми с наступлением каникул. В половине июля, а также к Пасхе и к святкам мы расходились из Тамбова по разным направлениям с более или менее тощими узелками и котомками, с какими-нибудь гривенниками или двугривенниками в кармане, но зато с невыразимой сердечной радостью»⁴. Родительский дом многих учеников находился от Тамбова на расстоянии десятков и даже сотен верст. Домой семинаристы добирались, как правило, пешком. «Мы шли более недели, – вспоминал Дубасов, – и дождем нас мочило, и солнцем пекло, и есть-пить было нечего, когда все наши капиталы вышли, и пили мы часто из грязных луж, и Бог хранил нас»⁵.

Решение об отпуске учеников на каникулы принималось по итогам экзаменов или испытаний, которые были двух видов: внутренние и публичные. Внутренние испытания проводились в декабре в присутствии всех членов семинарского Правления. К этим экзаменам преподаватели предоставляли Правлению конспекты тех предметов, которые были изучены. На экзаменах ученик отвечал на вопросы, поставленные преподавателем. Дополнительные вопросы могли задать и члены Правления. Кроме того, ученик писал несколько сочинений по экзаменуемому предмету на латинском и русском языках. Устав настоятельно рекомендовал преподавателям, что в ответах учеников «искать должно не столько скорости и обилия, сколько основательности и собственного суждения испытуемых»⁶. Успеваемость воспитанников отражалась в особой книге.

Тем, кто неудачно ответил на внутренних экзаменах, предоставлялась возможность испытать себя на публичных экзаменах, которые проходили в июле. На них, помимо преподавателей

³ ТЕВ. 1879. № 7. С. 245. Фразу с латыни можно перевести так: «Достопочтенный отец Ректор, стена и защита наша, укрепи юных воспитанников отдыхом».

⁴ Дубасов И.И. Очерки истории Тамбовского края. Тамбов, 2006. С. 382.

⁵ Там же.

⁶ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий. СПб., 1908. С. 166.

семинарии, присутствовал Управляющий епархией и представители гражданской администрации по приглашению. По воспоминаниям В. Крюковского, учившегося в семинарии в 1850–1860 годах, к публичным экзаменам зал семинарии «... украшали цветами. Было много публики. В антракте пел хор, читали диалоги профессора Остроумова»⁷, составлялись специальные программы для гостей. Публичные испытания проходили так же, как и внутренние. Находившиеся в зале светские лица также имели право задавать вопросы ученикам. По итогам испытаний составлялись разрядные списки. После экзаменов учеников отпускали на каникулы. Не сдавших экзамены исключали из семинарии или оставляли на второй год, но они лишались казенного содержания и жили в семинарии за свой счет.

По месту своего проживания и содержания воспитанники делились на два типа: казеннокоштных, то есть тех, кто проживал в семинарском общежитии или бурсе⁸ на казенном содержании, и своекоштных, то есть тех, кто жил на городских квартирах на собственном содержании. День семинаристов начинался с общей утренней молитвы. Казеннокоштные вставали в 7 часов. Своёкоштные должны были вставать в 6 часов и приходиться в семинарию на молитву. После молитвы у своекоштных обычно был легкий завтрак. Они выпивали 2–3 стакана сбитня, «мутного, как вода из лужи»⁹, с куском хлеба. У казеннокоштных завтрака, видимо, не было. Во всяком случае, ни в уставе, ни в семинарских документах, ни в воспоминаниях семинаристов сведений об этом нет. Занятия начинались в 8 часов и продолжались до 12 часов. Затем следовали обед и небольшой перерыв, а с 14 до 16 часов воспитанники снова занимались. Ужин у казеннокоштных воспитанников в летнее время начинался в 20 часов, в зимнее – в 18 или 19. После ужина отводилось время на подготовку домашнего задания. В 22 часа полагался отход ко сну.

Питание в семинарии, по общему мнению мемуаристов, было скудным и однообразным. Н. Евгенов вспоминал следующее:

⁷ Русская старина. 1911. Апрель. С. 243.

⁸ Бурса (от латинского *cochlear*) – так называли в средние века общежитие для бедных студентов богословия, существовавшее на средства благотворителей; студенты носили название *bursarii* (отсюда бурши). В России первая бурса была устроена в Киеве при митрополите Петре Могиле (XVI в.). Из Киева название бурса перешло ко всем общежитиям при духовно-учебных заведениях.

⁹ Русская старина. 1911. Апрель. С. 216.

«Обед: чашка щей с говядиной (в пост щи с крупой или картофельная похлебка) и каша с коровьим маслом (в пост с постным маслом), ... хлеба давали много, хлеб пекли ежедневно, и он всегда славился вкусом и мягкостью. После обеда и ужина оставалось огромное количество кусков хлеба, которыми кормили свиней»¹⁰. У Крюковского остались более грустные воспоминания: «Кормили скверно. Щи из тухлой капусты со скверным мясом, каша затхлая и хлеб»¹¹. Следует отметить, что Крюковский не проживал в семинарии и, как питаются казеннокоштные, знал с их слов. В этом смысле больше доверия И. Дубасову, который все годы учебы жил в общежитии. «Кормили нас по чрезвычайной бедности заведения, а может быть, отчасти и по недосмотру, из рук вон скверно, – писал он. – Хлеб был у нас совершенно черный и черствый, а мяса давалось по четверти фунта на 6 человек»¹². При таких обстоятельствах я сильно голодал и нередко с плачем бегал по училищному двору и искал: нет ли где на земле хлебной корки»¹³. Протоиерей В. Певницкий о питании в семинарии оставил такие строки: «Ученическое содержание наше было самое скромное: щи с мясом и каша с маслом, постом без мяса и с конопляным маслом; чаю нам не полагалось, а вместо него краюха черного хлеба»¹⁴.

Воспоминания бывших воспитанников о питании в этот период подтверждаются документами, сохранившимися в фонде Тамбовской семинарии. Из них следует, что, действительно, в первой половине XIX века временами питание было довольно скудным из-за нехватки финансовых средств. Обычно в начале каждого учебного года семинарское Правление заключало контракт с каким-либо купцом города Тамбова на заготовку им солонины не более 100 пудов (около 1600 кг) и свежей говядины 30 пудов (около 480 кг)¹⁵. Таким образом, на каждого из 130 казенных воспитанников приходилось примерно по 4 кг свежего мяса и по 12 кг солонины в год.

К 1850 годам закупка продуктов стала более организованной и производилась в больших объемах. Мясо и солонину закупали два раза в год. Осенью в достаточных объемах заготавливали

¹⁰ ТЕВ. 1879. № 7. С. 239.

¹¹ Русская старина. 1911. Апрель. С. 217.

¹² 1 фунт, примерно, 0,5 кг.

¹³ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 376.

¹⁴ Русская старина. 1905. Июль-сентябрь. С. 243.

¹⁵ ГАТО. Ф. 186. Оп. 8. Д. 8. Л. 2.

капусту, огурцы, морковь, лук, картофель. Своими силами в огромных бочках солили огурцы и капусту. В период постов покупали грибы, свежую и соленую рыбу – судака, севрюгу, леща, карася. Хлеб в семинарии был только ржаной. Его выпекали в собственной пекарне. Из круп употребляли пшено, горох, гречиху¹⁶. Некое разнообразие в семинарское меню вносили только пасхальные дни, когда воспитанникам давали творог (пасху), куличи и яйца. На столе семинаристов в этот период, по-видимому, отсутствовали фрукты, молочные продукты и сладости, а также чай. Впрочем, чай не предполагался к столу и уставом. «Питье учеников состоит во всякое время года из кваса и воды», – предписывал устав¹⁷. Действительно, квас в семинарии всегда делали знатный, с добавлением мяты, хрена и разных пряностей.

Значительная часть семинаристов жила на обеспечении родителей, что являлось для них тяжелым финансовым бременем. Несмотря на это, большинство родителей стремилось найти для своих детей квартиры в городе, поскольку условия жизни в семинарии оставляли желать лучшего. В семинарском общежитии жили в основном дети бедняков или сироты. Вот как описывает бытовые условия и обстановку семинарского общежития Василий Крюковский. «Чуть не 50 человек в одной комнате. И великовозрастные, и дети. Кровати с подушками, матрацы, набитые соломой, и одеяла, табуретки и столы – вот и вся обстановка. Мне иногда приходилось заходить в бурсацкие номера. Как ни коротко заставляли стричься (чтобы пальцами раскрытой ладони нельзя было ухватить волосы), но и в коротких волосах заводились насекомые. Их было так много, что вместо гребенки, их можно было вычесывать рукавом пальто из коричневого драпа (вигони) с длинным и жестким ворсом. Одеяла бурсаков кишели насекомыми, несмотря на то, что каждую неделю одеяла „жарились“»¹⁸. Бывало, в классе видишь, как производилась охота на свирепых зверей (то есть вшей. – *Примеч. авт.*). В номерах водились мыши и крысы, да такие смелые, что бурсаки, намазавшие себе нос от насморка сальной свечкой, случалось, просыпались с поврежденным носом»¹⁹. Евгенов вспо-

¹⁶ ГАТО. Ф. 186. Оп. 66. Д. 1. Л. 65 об., 114, 142.

¹⁷ Свод уставов. СПб., 1908. С. 278.

¹⁸ Т. е. производили их паровую обработку.

¹⁹ Русская старина. 1911. Апрель. С. 215.

минает о такой детали: «В некоторых окнах не было стекол, печи не топились, а в них складывали розги»²⁰. Из-за таких условий в семинарии были распространены инфекционные болезни²¹.

На квартирах проживало обычно по 8–12 человек. Они снимались в недорогих, но удаленных от центра и неблагополучных в нравственном отношении районах города Тамбова. Жили своеобразной коммуной, во главе которой стоял старший ученик философского или богословского класса. Ему платили по одному рублю с человека, чтобы он присматривал за младшими и следил за приготовлением ими уроков. Провизию закупали в складчину. Обычно в базарные дни – пятницу и понедельник – старший ученик, взяв себе в помощники кого-нибудь из младших, рано утром отправлялся на базар, покупал мясо, ржаную муку, гречку, пшено, топленое масло, яйца. Приготовление пищи, уборка в комнатах были обязанностью хозяйки. Из-за скученности (на человека приходилось менее одного квадратного метра площади) в комнатах была постоянная духота и спертость воздуха. Зимой, весной и осенью из-за отдаленности квартир и плохих дорог очень тяжело было добираться до семинарии. Ученики, не имевшие хорошей обуви и одежды, нередко простывали, долго болели, а иногда и умирали.

Казеннокоштным воспитанникам ежегодно выдавали 3 сорочки, 3 исподницы, 2 косынки, 2 пары чулок, 3 пары сапог. На два года выдавали шлафрок (спальный халат), панталоны и жилет с рукавами, летние панталоны и жилет китайчатый. На три года – сюртук синего цвета, кожаный картуз. Одетые таким образом казеннокоштные воспитанники выглядели единообразно, чего не скажешь о своекоштных, которые одевались так, как им позволяли средства. На шесть лет, то есть до конца обучения, выдавались: кровать, тюфяк, 2 подушки, 4 наволочки, одеяло бушмазейное и 2 простыни. Новое постельное белье положено было выдавать только отличникам.

Протоиерей В. Певницкий так пишет о внешнем виде учеников: «Одежда была: летом – халат нанковый (грубая хлопчатобумажная ткань) и для дождя чекмень или чуйка (верхняя одежда в виде полукафтана) из толстого самодельного сукна синего или черного; зимой – овчинный тулуп, нагольный и крытый крашениной из

²⁰ ТЕВ. 1879. № 7. С. 225.

²¹ ГАТО. Ф. 186. Оп. 36. Д. 23. Л. 5.

холста посконного. Обувь – сапоги личные, смазываемые дегтем, и валяные сапоги или валенки без голенищ. В этой одежде ходили мы в классы, а дома – в рубашках и портах, опоясавшись тоненьким поясом из тесьмы, летом ходили босиком. В старших классах ходили мы уже в сюртуках нанковых, или суконных тонкого хорошего сукна с триковыми брюками навыпуск, в смазанных сапогах, даже со скрипом, в шинелях и пальто»²². Дубасов вспоминал: «Шумная бурсацкая толпа, состоявшая из детей разнообразного возраста, от 8 до 20 лет, одетых в самые разноцветные балахоны, между которыми преобладала синяя, из толстого домашнего сукна чуйка. Обuvi почти ни у кого не было. В зимние месяцы классы наши не топились, поэтому холод у нас был страшный. И я не знаю, почему мы, в своей дырявой обуви, из которой свободно выглядывали голые пальцы, не все перемерли от простуды»²³. Сторожа приходских церквей из-за внешнего вида семинаристов иногда не пускали их на богослужения в храмы и оставляли стоять на паперти. В городе воспитанники были известны под прозвищем кутейников²⁴. Сообщения авторов воспоминаний подтверждаются сохранившимися в архивах документами. Так, в 1830 году проверявший состояние семинарии ревизор отметил в своем отчете такой факт: «Казеннокоштные воспитанники семинарии и состоящих при ней училищ недостаточно снабжаются одеждою, первые имеют только суконные сюртуки с панталонами, а последние – только сюртуки»²⁵.

Семинаристы были заняты в основном учебой. Для выполнения хозяйственных работ в семинарии был достаточно большой штат наемных работников или служителей, которые топили печи, пекли хлеб, солили капусту, возили воду, подметали семинарский двор, убирали в комнатах и классах, чистили ретиральные места, то есть туалеты и т.д.

В семинарии особенное внимание уделялось нравственному и религиозному воспитанию. Оценка за дисциплину существенно влияла на распределение семинаристов по разрядам и их дальнейшую судьбу после окончания семинарии. Назовем основные фундамен-

²² Русская старина. 1905. С. 254.

²³ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 376.

²⁴ Кутейники – место в церкви, где ставилась поминальная кутья и, собственно, в этом месте в приходском храме дозволялось находиться семинаристам, откуда они и получили прозвище – кутейники.

²⁵ ГАТО. Ф. 186. Оп. 36. Д. 23. Л. 7 об.

тальные принципы воспитания. Прежде всего, это участие в богослужении и молитве. «Отсутствие или небрежность в положенных часах молитвы должно считаться вящим злом, нежели упущение важнейших уроков», – гласил устав. Важным являлось воспитание у учеников безусловного повиновения, потому что «не может быть тот покорен Богу, кто строптив перед человеком», и такое распределение времени учащихся, «чтобы всякое понятие о праздности было от них удалено»²⁶. Внедрение этих принципов в жизнь осуществлялось путем строгого надзора. Для воспитания использовались как поощрения, так и наказания. Воспитательные функции должен был выполнять весь начальствующий и педагогический состав семинарии, однако ответственным «за нравственное управление» в семинариях был инспектор. Он следил за исполнением расписания, посещением богослужений и уроков учениками и учителями, за поведением учеников в общежитии и на квартирах, для чего периодически посещал их, он наблюдал за тем, что читают ученики, и непозволительные книги изымал, что поют и какую музыку играют, не допускал исполнения светского и простонародного пения.

Все без исключения ученики в воскресные и праздничные дни обязаны были находиться на церковном богослужении. Долгое время тамбовские семинаристы в богослужении не участвовали, поскольку в семинарии не было своей церкви, и казеннокоштные посещали кафедральный собор, а живущие на квартирах – ближайšie к их месту жительства приходские храмы. С устройением в здании семинарии в 1847 году Никольского храма семинаристы стали участвовать в богослужении в качестве пономарей и алтарников, для чего им благословлялся стихарь. Крюковский вспоминал, что «до 1867 года всенощные служились в бурсацкой столовой. К обеду мы ходили в приходские церкви или в мужской монастырь, где была архиерейская служба, прекрасный архиерейский хор, громогласные архиерейские протодиакон и диакон. Весною мы любили посещать стоящую за городом на горе кладбищенскую церковь. Начальство строго требовало, чтобы во время богослужения ученики не выходили из церкви. Посещение церкви в воскресные и праздничные дни было обязательным»²⁷. Н. Евгенов, учившийся раньше Крюковского, пишет: «В церковь к ранней обеду»

²⁶ Свод уставов. С. 190.

²⁷ Русская старина. 1911. Май. С. 446.

ходили в собор (даже те, кто жил далеко), но потом разрешили ходить в ближайшие церкви; старший смотрел за посещаемостью и рапортовал. Всенощной нигде не служили, кроме архиерейской крестовой церкви. При экономе иеромонахе Иринее всенощную стали служить в одном из помещений бursы. При переходе в класс богословия посвящали в стихарь и говорили проповеди в одной из церквей города (получалось два раза в год)²⁸. В первую и последнюю недели Великого поста все ученики семинарии обязаны были причащаться Святых Христовых Таин. Кто оставался дома по болезни, должен был представить справку от приходского священника о том, что причащался в указанные недели поста. Во время трапезы один из учеников читал книгу «Училище благочестия», а остальные ели и слушали.

В изучаемый период инспектору помогали два помощника, что было недостаточно для контроля за несколькими сотнями разновозрастных учеников, поэтому широко употреблялась система внутренней субординации, когда старшие ученики следили за поведением младших. В бурсе ученики разделялись по номерам (т. е. по комнатам проживания), над которыми назначались старшие, или «сеньоры». Кроме того, инспектору помогали доверенные лица среди учеников, информировавшие его о всех настроениях воспитанников. В ученической среде их называли «жуželками».

Существовала и определенная система поощрений и наказаний. В уставе перечисляются следующие поощрения: похвала и ободрение инспектора в комнатах перед товарищами, причисление учеников к сословию старших не по должности, но для почести, объявление благодарности ученику в присутствии семинарского Правления, подарки (обычно книги). Перечень наказаний был сравнительно большим: увещивание и выговор от инспектора перед товарищами, назначение особого места за столом ниже всех и в отдалении от прочих, осуждение на хлеб и воду на срок от 1 до 7 дней, строгий выговор в Правлении, карцер и исключение из семинарии, направление к гражданскому правительству. Устав 1814 года не упоминает о телесных наказаниях, но воспоминания и документы свидетельствуют, что они существовали и применялись как к ученикам училища, так и семинарии. Система телесных наказаний подробно описана теми, кто через нее прошел.

²⁸ ТЕВ. 1879. № 7. С. 241.

Для исполнения наказаний из среды старших неуспевающих учеников назначался так называемый экзекутор и четыре его помощника. В их обязанности входило не только исполнять наказание, но и заготавливать розги. По иронии судьбы рядом с семинарией росли березы, так что экзекуторам далеко ходить было не нужно. Дубасов о сечении розгами вспоминал: «Сечение иногда было крайне жестокое: секли двумя розгами с двух сторон»²⁹. Отец В. Певницкий писал, что «учили ... мало, но много мучили, особенно сечением розгами, в котором и ставили все свое педагогическое искусство». Спустя годы, подводя итоги такой педагогики, он делал вывод, что все эти наказания «не только не побуждали лучше учиться, но еще более отупляли и ожесточали»³⁰. В старших классах семинарии наказаний розгами уже не было, но зато применялись: карцер, лишение обеда, стояние на коленях в классе, зуботычины³¹. Крюковский отмечал, что в его время «нравы стали смягчаться. Не было даже особенно жестоких пороков, до бесчувствия»³². В 1850-е годы при инспекторе иеромонахе Сергии (Марморисове) телесные наказания в Тамбовской духовной семинарии были отменены. В это время стали меняться педагогические взгляды на воспитание, и прежние методы постепенно уходили в прошлое.

В этот период в семинарской жизни были и некоторые развлечения. Одно из них, пожалуй, самое интересное – кулачные бои. Они практиковались учениками и в классах, и в номерах, особенно зимой, для того, чтобы согреться. Популярны были те бои, которые проводились в городе между городскими обывателями и семинаристами. Первое документальное упоминание о таких боях относится к 1804 году. В этот год 31 октября от городничего в семинарское Правление поступила следующая жалоба: «Вчерашнего дня на народной площади собравшись семинаристы немалым числом завели и производили кулачный бой и пресекающих оный от полиции учрежденных людей перебили было, из коих один и захвачен в полицию и ночевал в оной»³³. Возможно, что городничий не стал бы жаловаться семинарскому начальству на это вполне обычное в то время для города происшествие, однако он не смог

²⁹ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 378.

³⁰ Русская старина. 1905. С. 314.

³¹ Зуботычина – легкий удар кулаком по зубам.

³² Русская старина. 1905. С. 315.

³³ ГАТО. Ф. 186. Оп. 10. Д. 16. Л. 2–4.

сдержат оскорбленного самолюбия, поскольку в драке от семинаристов досталось его подчиненным. Задержанный полицией ученик богословского класса Иван Пичаевский по решению семинарского Правления должен был быть наказан за проступок розгами, однако епископ Феофил (Раев) решение Правления отменил, пригрозив Пичаевскому, что если он еще раз будет замечен в кулачных боях, то его отдадут на военную службу. Несмотря на такие строгие меры и запреты начальства, участие семинаристов в боях продолжалось до конца 1860-х годов. Н. Евгенов вспоминал, что в его время был «знаменитый боец семинарии Г.М. Казанский. Роста вершков около 10, атлетичный, сильный, ловкий, он прослыл первостатейным бойцом (под фамилией Казанцев). В то же время славился мещанин Шушилин. Раз они сошлись, и Казанский сломал ему челюсть. Его так боялись, что если он в кулачных боях показывался на одной стороне – другая бежала. Он мог одним ударом уложить двухлетнего бычка»³⁴. Легенды о кулачных героях передавались от одного поколения семинаристов к другому. «Про одного из таких силачей, моих современников, – писал Дубасов, – Никольского, рассказывали, что он во время кулачных битв всегда действовал ладонями, опасаясь смертоносных последствий от своего могучего кулака»³⁵. Евгенов и Дубасов в кулачных боях не участвовали и были сторонними наблюдателями, а вот Василий Крюковский принимал в них участие, будучи учеником младших классов. Различали два вида кулачных боев: те, которые проводили сами семинаристы на семинарском дворе между собой, и бои в городе с жителями. Первые проходили обычно с соблюдением следующих негласных инструкций: «Кулачные бои только ладонями и по мордам не бить»³⁶. Бои были ожесточенные, и увлеченные ими ученики нередко не замечали, как появлялся инспектор, и следовала «кулачная расправа». Бои в городе оставляли более яркое впечатление: «В зимнее время в воскресенье и праздничные дни производились они на 2-й Долевой улице, где полиция появлялась редко. Одна сторона – мещане, другая – мелкие чиновники, семинаристы и купцы. Купцы фактически не участвовали, они угощали бойцов водкой или пивом. Сначала выступали

³⁴ ТЕВ. 1879. № 7. С. 253.

³⁵ Дубасов И.И. Указ. соч. С. 378.

³⁶ Русская старина. 1910. Июнь. С. 447.

малыши, затем взрослые, а малыши становились зрителями. Бой продолжался до темноты или до появления полиции»³⁷. Известны были среди семинаристов и профессиональные бойцы, которые участвовали на чьей-либо стороне за определенную плату, тем самым зарабатывая себе на жизнь. Со временем кулачные бои в Тамбове стали проводиться реже, поскольку из-за нескольких случаев убийства строже преследовались городской полицией.

Младшие ученики увлеченно играли на переменах в чехарду, лапту, чижка. Среди старших воспитанников распространенным явлением была игра в карты. Семинарское начальство активно боролось с этим пороком, однако изжить его из быта семинарии оказалось делом весьма трудным.

Читали семинаристы в это время мало, потому что книги в фундаментальной библиотеке состояли в основном из учебников и пособий на латыни и греческом, а ученическая библиотека появилась несколько позже. Наиболее любознательные доставали книги, которые чаще всего оказывались запрещенными для чтения в семинарии. Известный писатель А. Левитов во время своей учебы в семинарии пострадал: был наказан розгами за чтение «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. Иван Дубасов увлекался популярными тогда журналами: «Отечественные записки» и «Русский вестник». Архив семинарии и дошедшие до нас воспоминания бывших воспитанников не оставили свидетельств об особом стремлении семинаристов к чтению духовной литературы в этот период.

Из развлечений в большой степени были развиты пение и театральные постановки. «Хоровое пение было почти единственным образовательным развлечением семинаристов. Петь у нас любили. Церковное особенно было любимо: „Да исправится молитва моя“, „Покаяния отверзи ми двери“, „Достойно есть“. Из светских – романсы на стихи Пушкина, Лермонтова, Никитина, Кольцова, оперные номера из „Аскольдовой могилы“», – вспоминает В. Крюковский³⁸. Театральные постановки семинарским руководством запрещались, но некоторые ученики тайком принимали в них участие. О том, как это было в 1830–1840 гг., пишет Н. Евгенов: «Главным развлечением были театры, которые сами и устраивали. Они запрещались начальством. Мысль об их устройстве

³⁷ Русская старина. 1905. Май. С. 443.

³⁸ Там же. С. 444.

впервые пришла в голову Петру Евдокимычу Солярскому из низшего отделения. Ему помогал Егор Андреевич Заикин и Петр Павлович Пальмов. Представления устраивали на чердаке семинарского корпуса. Первая постановка была успешной, потом ставили на квартирах. Особенно часто у Николая Самойловича Надеждина (впоследствии архиепископ Нектарий Харьковский); он стоял у мещанина Владимира Ивановича Бердникова. Часто играли на квартире внука митрополита Ионы (Васильевского), Александра Ивановича Тихонравова на Покровской улице; он играл на гитаре. Потом наши представления стали посещать и посторонние. Играли в доме помещика Ивана Матвеевича Сатина (на Дворянской улице) у купца Николая Николаевича Кобзева (он отдал под это каретный сарай). Через два года об этом донесли ректору. Но учителя вступились (а так хотели уволить). Потом, когда в доме Кобзева было представление, устроили облаву (двоих уволили). Временно представления прекратили, но через полтора года возобновили подалее от центра на Инвалидной, в квартире Говорова»³⁹.

Такой была жизнь Тамбовской духовной семинарии в период после реформы 1808–1814 годов. Обучение, требования воспитательного процесса, бытовые условия и повседневная жизнь семинаристов были тяжелыми, подчиненными строгим положениям устава и дисциплине.

В этот период семинарию закончили выдающиеся личности: преподобный Амвросий Оптинский, архиепископ Харьковский Нектарий (Надеждин), богослов и церковный историк архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), преподаватель семинарии и автор одного из лучших учебников русского языка К.Г. Говоров и многие другие, ставшие славой и украшением Русской Православной Церкви и Отечества.

³⁹ ТЕВ. 1879. № 7. С. 246–255.